

Н. В. Берг

Записки об осаде Севастополя

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. В. Берг**
Записки об осаде Севастополя: Том 1 / Н. В. Берг – М.: Книга по Требованию, 2021. – 263 с.

ISBN 978-5-518-05879-8

ISBN 978-5-518-05879-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Кромѣ личныхъ наблюденій и сообщеннаго очевидцами, коихъ считаю главнымъ и лучшимъ источникомъ, — я пользовался нѣкоторыми изданными у насъ и у Французовъ книгами по этому предмету. Въ описаніи дѣйствій союзниковъ руководствовался преимущественно Базанкуромъ, который жилъ 5 мѣсяцевъ при Главномъ Штабѣ Восточной арміи, для веденія историческихъ записокъ, и которому были доступны многіе официальные документы.

Все собранное мною такимъ образомъ я оставилъ безъ всякихъ исключеній, хотя черезъ это одинъ пунктъ вышелъ ярче, а другой только очеркнуть. При моихъ небольшихъ средствахъ, не было никакой возможности привести все къ одному знаменателю и уравнивать всѣ тоны, особенности и подробности. Пусть иное перегиваетъ: можетъ статья, кто нибудь другой дополнить именно то, чего у меня нѣтъ, а я, можетъ быть, напалъ на такіе слѣды, на которые не случится напасть другому. Мы, конечно, только вкладчики будущаго, но также должно помнить и то, что для составленія въ будущемъ полной и вѣрной исторіи настоящихъ событій, необходимы «наши» отрывочные труды, «наше» слово. Кто знаетъ: можетъ быть, если вы не скажете «вашего» слова, его уже никто не скажетъ, и въ этомъ мѣстѣ останется навсегда пустая страница. И потому должно записывать все, что знаешь, откинувъ всякую робость и не боясь, что напишешь мало.

Въ заключеніе прошу покорнѣйше господъ участниковъ и свидѣтелей всего изложеннаго, у кого найдется свободная минута, — сказать мнѣ откровенно, что покажется имъ невѣрнымъ, исправить иную цыфру, внести пропущенное имя, адресуя свои замѣчанія въ редакцію Журнала Библіотеки для Чтенія.

СЕВАСТОПОЛЬ ВЪ ФЕВРАЛѢ

1855 года¹⁾.

Дорога изъ Кишенева въ Севастополь. — Приѣздъ. — Первые бомбы. — Сѣверная сторона. — Александръ Ивановичъ. — Ночная схватка на новомъ редутѣ. — Толки. — Переѣздъ на Южную сторону. — Знакомство съ городомъ. — Опять Сѣверная сторона. — Госпитальные бараки и ампутаціи. — Посѣщеніе бастионовъ. — Нахимовъ. — 4-й бастионъ и мины. — Корабль и пароходъ. — Греки-волонтеры. — Ракета. — Малаховъ Курганъ. — Новый редутъ. — Отъѣздъ. — Чатырдагъ. — Бахчисарай. — Дворецъ Хана. — Фонтанъ Слезь. — Дорожныя приключенія. — Кишиневъ.

Не могу не сказать нѣсколько словъ о самой дорогѣ въ Севастополь. На всякой дорогѣ не безъ приключеній. Я выѣхалъ изъ Кишенева съ однимъ гусарскимъ офицеромъ, 5 февраля,

¹⁾ Эта статья была прежде напечатана подъ названіемъ: «10 дней въ Севастополѣ».

ни Одессы, ни моря! Сѣрѣя однообразныя зданія изъ мѣстнаго бута, который замѣняетъ тамъ кирпичъ, тянулись направо и налево. Мы ѣхали какимъ-то болотомъ, а не мостовой. Вотъ и Одесса! огромныя зданія, начавшія выростать одно за другимъ, показали намъ, что мы уже въ городѣ. Пошли вывѣски съ русскими и итальянскими надписями. «*Погребъ съ разными винами*» непремѣнно переводился: *Cantina con diversi vini*. Улицы также назывались по русски и по итальянски: *Конная* — *Strada Konna*; *Херсонская* — *Strada Chersona*; *Полицейская* — *Strada della Polizia*... А вотъ и море, и статуя Дюка!... Европейская гостинница, у которой мы остановились — одно изъ лучшихъ зданій въ городѣ, съ прекрасной рестораціей. Насъ обдало блескомъ и сіяніемъ. Отдохнувъ минуту, среди всевозможнаго комфорта, я побѣжалъ на Щеголевскую батарею, которая была недалеко, подъ горой, на краю мола. Кругомъ шумѣло опустѣлое море. Щеголевская батарея очень проста, съ землянымъ брустверомъ. По дорогѣ я видѣлъ много сваленнаго камня. Готовятся новыя укрѣпленія. На зданіяхъ, идущихъ по горѣ, замѣтно нѣсколько пробоинъ ядрами. Статуя Дюка тутъ же, когда поднимаешься на знаменитую воронцовскую лѣстницу. Мѣсто, гдѣ отлетѣлъ кусокъ въ осаду 11 апрѣля, (1854) задѣлано металломъ, со вставкою ядра.

Мы выѣхали ночью. Первыя двѣ станціи идутъ берегомъ моря, подлѣ самыхъ волнъ. Казалось, волны плескали въ колеса телеги, и шумъ ихъ отдавался въ тишинѣ, подобно раскату по мостовой тысячи экипажей. Было что-то особенное, что-то пріятное, укачивающее, въ этомъ ночномъ невидимомъ гулѣ... но вотъ гудящіе раскаты стали затихать. Дорога повернула влево. Мы пріѣхали въ селеніе Варваровку и опять къ ночи, а надо было переправляться черезъ Бугъ, версты двѣ по тонкому льду, который весь былъ въ окошкахъ. Опять не нашлось проводниковъ, и мы волей, или неволей переночевали

въ Варваровкѣ. На зарѣ явилось шесть человѣкъ такъ называемыхъ *лоцмановъ*, въ башлыкахъ, въ толстыхъ еуконныхъ сермягахъ и съ особенными желѣзками подъ сапогами, чтобы не раскатываться по льду. Они взяли наши вещи, и мы пошли гурьбою къ рѣкѣ. Но едва мы ступили на ледъ, какъ насъ понесло вѣтромъ. Никакъ нельзя было держаться, даже съ помощью подкованныхъ лоцмановъ; мы сѣли на салазки, куда сложены были наши вещи, и покатались. Вести было легко, по причинѣ дувшаго въ спину вѣтра. Мы служили парусомъ. Пятеро лоцманомъ, ухватясь за веревки, не шли, а бѣжали, подгоняемые санями. Шестой, съ небольшимъ багромъ въ рукѣ, шелъ, катясь, впереди и указывалъ дорогу, безпрестанно пробуя ледъ. Скоро мы очутились среди рѣки, на ледяной, и, казалось, безконечной равнинѣ. Кругомъ мело и крутило снѣжную пыль, и за нею нельзя было разглядѣть береговъ. Закутавшись въ шубу, я смотрѣлъ на синій, прозрачный ледъ, по глади котораго несло выющимися полосами мелкія снѣжины, и, приглядѣвшись, казалось, что мимо насъ несутся волны... но вотъ, сквозь снѣжную пыль, стали являться зданія Николаевъ и деревья, похожія на неподвижный дымъ. Мы причалили и, оставивъ салазки подъ берегомъ, начали подыматься въ гору великолѣпнымъ садомъ, мимо бесѣдокъ, засыпанныхъ снѣгомъ. Николаевъ произвелъ на насъ самое выгодное впечатлѣніе: свѣтлые дома, прямыя, широкія улицы. Не потому ли все это такъ свѣтилось, что кругомъ сіялъ только что выпавшій снѣгъ, которому мы чрезвычайно обрадовались. Разумѣется, явсь на станцію, мы потребовали сани. Такъ-какъ къ снѣгу завернулъ и морозъ, то надо было купить теплые сапоги, или кенъги. Но кенъгъ мы не нашли въ цѣломъ Николаевѣ и обулись въ медвѣдя. За Николаевымъ становится замѣтнѣе однообразіе Херсонскихъ степей. Вплоть до Симферополя идетъ какъ бы одна и та же степь, исчерченная безчисленными дорогами, съ воз-

вышающимися кое-гдѣ извѣстными курганами. На станціяхъ не спрашивайте ничего: съ трудомъ найдется кусокъ чернаго хлѣба. Лѣнь и сонъ царствуютъ на всемъ необъятномъ пространствѣ степи. Лѣнь даже брать деньги. На бѣду мы попали туда въ такую пору, когда нельзя было скоро ѣхать. Чудеса происходили на станціяхъ. Это было переходное состояніе почтовыхъ дворовъ отъ частныхъ лицъ въ казнѣ. Мы пересѣли въ телегу, можно сказать, еще среди зимы: степью, по сторонамъ большой дороги, лежалъ снѣгъ и былъ прекрасный санный путь. Пришлось опять колотиться *по грудѣ*. На бѣду ямщикомъ попался Татаринъ, не говорившій по-русски и не знавшій дороги. Въѣхавъ въ Перекопъ, онъ подвезъ насъ къ какому-то дому и сказалъ: *пушта!* то есть, почта. Но это оказался частный домъ, а почта была еще далеко. Лошади не довели и стали среди груды. Мы дошли пѣшкомъ и спросили, гдѣ трактиръ. Намъ указали черезъ дорогу на свѣтившееся зданіе. Мы перешли по мерзлымъ кочкамъ грязи, и нашимъ взорамъ предсталъ бильярдъ, на которомъ спалъ какой-то господинъ. Сонный трактирщикъ объявилъ, что ничего нѣтъ, все вышло! Мы вернулись на станцію и спросили у смотрителя: нѣтъ ли чего закусить? — Ничего нѣтъ! отвѣчалъ онъ. — Да нѣтъ-ли хоть чернаго хлѣба? — нѣтъ! — На полу, у печки, лежалъ какой-то казакъ: онъ сжался надъ нами, всталъ и сказалъ, что найдетъ хлѣба. Черезъ нѣсколько времени онъ принесъ лопотъ. — А соли? — Сейчас! — За солью надо было снова бѣжать черезъ улицу. Онъ принесъ и соли въ горсти и высыпалъ на столъ. Мы поспѣшили выѣхать. Безконечно тянулась степь со своими станціями. На одной изъ нихъ какой-то добрый геній въ видѣ русскаго полковника предложилъ намъ франзолъ, т. е. французскій хлѣбъ, и мы напились съ нимъ чаю. Тутъ же, откуда ни возмись, нашъ обратный курьеръ изъ Севастополя. Онъ далъ намъ жареную куропатку и совѣтовалъ зацѣпиться съѣстнымъ въ Симферополѣ.

Но въ Симферополь мы попали ночью. Однако достучались въ гостинницѣ *Золото Якоря* и добыли ветчины. За Симферополемъ виды измѣнились: показались горы и въ небѣ орлы. Къ Бахчисараю горы стали выше, а дорога труднѣе. Поминутно приходилось переѣзжать глубокіе горные ручьи. Десятки конскихъ труповъ разбросаны были по садамъ и въ полѣ. Къ счастью, подъ самымъ Бахчисараемъ, — на ужасной станціи по глинистымъ косогорамъ, размытымъ тающими снѣгами, — намъ попался лихой ящикъ, Русскій и вмѣстѣ Татаринъ. Онъ родился въ татарской деревнѣ, говорилъ бойко по-татарски и имѣлъ нѣкоторыя татарскія хватки, но смѣтливость въ немъ осталась русская. Удивительно спускалъ онъ въ ручьи, объѣзжалъ косогоры, крича на Русскихъ по-русски, по-татарски на Татаръ, которые шли при обозахъ, запряженныхъ волами и верблюдами. Онъ былъ боекъ на все, зналъ названія горъ и переводилъ ихъ по-русски. «А знаешь ты Чатырдагъ?» — Какъ не знать! По русски Палатъ-гора; но отсюда ея не видать, а видно съ Алминской станціи, и то въ ясную погоду! — Съ этимъ лихачемъ мы подѣхали къ Бахчисараю, ища глазами ханскихъ дворцовъ, съ ихъ садами и фонтанами. Но они были въ концѣ города, который весь остался влѣвѣ. Заѣзжать было некогда. На станціи, окруженной нѣсколькими домиками, какъ бы выселками изъ города, мы велѣли переложить лошадей, а между тѣмъ зашли къ Жиду закусить. Какой-то офицеръ сидѣлъ уже за столомъ и завтракалъ. На окнѣ подлѣ него стояла машинка съ музыкой, которую онъ безпрестанно заводилъ. Только что она перестанетъ, онъ сейчасъ въ карманъ за ключемъ, — тррр! тррр! — и пошла опять музыка. Жидовка подала намъ преизрядный супъ и жаркое. Мы пообѣдали исправно, и притомъ подъ музыку. Поѣхали опять между горами, обгоняя безчисленные обозы. Виды становились лучше и лучше. И вотъ Дуванка, послѣдняя станція передъ Севастополемъ! Почтовый дворъ — длинненькій

домикъ татарскаго покроя, съ черепичной крышей, и сзади — высокія горы.

Село раскинуто ниже, въ лощинѣ, доль надъ домомъ; а за ними опять вдутъ горы синей полосой, и по ней свѣтлѣющіи столбами встають снизу пирамидальныя тополи. Вся Дуванка просится въ картину. Мы поѣхали удивительными мѣстами. Направо, надъ нами, высились горы, въ выдавшимися индѣ каменными утесами, на которыхъ были видны слѣды плескавшего въ нихъ когда-то моря, такъ по крайней мѣрѣ казалось. По гребнямъ иныхъ поднебесныхъ холмовъ чернѣли низкіе, приземистые дубчики, прицѣпившіеся подобно грибамъ. А налѣво, внизу, темнѣли сады, съ густовѣтвистыми грушами и чистымъ, веселымъ орѣхомъ. Посрединѣ бѣжала какая-то рѣчка, и разбросанныя хаты лепились по утесамъ; а за ними, дальше, горы и горы.... Но сердце билось, и намъ было не до видовъ. Неужели тутъ, сейчасъ, Севастополь? непріятель? осада? Мы въѣхали на горы и ожидали скоро увидѣть городъ. Оставалось версть шесть-семь; но Севастополь не появлялся. Казалось, мы въѣзжали на послѣднюю гору, за которой долженъ былъ открыться городъ; но за этой горой слѣдовала еще другая, выше, и еще испытаніе нашему терпѣнію. Городъ показывается не ближе, какъ верстахъ въ четырехъ. — Отдаленная гора и по ней разсыпаны строенія. Впереди синяя бухта съ кораблями. Направо и налѣво горы, а вдали море и тоже корабли. Когда мы подъѣзжали, не было никакихъ выстрѣловъ, ничего. «Гдѣ же непріятель? гдѣ наши?» Ямщикъ-Татарченко ничего не могъ намъ объяснить и, притомъ, едва говорилъ по-русски. Сперва онъ указалъ на палатки влѣво и сказалъ: «вотъ тутъ Французъ!» а потомъ, поворочавшись немного, сказалъ: «нѣтъ, тутъ не Французъ, а Французъ тамъ!» Мы больше его не спрашивали и все глядѣли на городъ, ожидая выстрѣловъ. Немного погодя, прямо противъ насъ, но очень далеко, какъ бы

за городомъ, взвилась бомба; уже вечерѣло и потому было видно ея полеть, обозначавшійся огненной полосой. Потомъ поднялось еще двѣ-три въ перекрестку, слабый звукъ долетѣлъ послѣ. Мы все ѣхали прямо, спускаясь въ лощину. Налѣво, очень близко, у бухты, показалось нѣсколько домиковъ, похожихъ одинъ на другой. Дорога поворотила вправо, и мы остановились у станціи — довольно большаго каменнаго дома, съ огромными закоптѣлыми окошками. Предполагалось много комнатъ, но комната, принадлежащая станціи, была одна, — и что за комната! Въ углу, направо за досками, былъ ссыпанъ овесъ; въ другомъ стояла кровать смотрителя; налѣво, подъ окнами, еще кровать, на которой спалъ какой-то офицеръ; посрединѣ былъ устроенъ столъ, изъ доски на двухъ камняхъ; на окнахъ и по угламъ стояли ружья и полусабли. У печки, въ родѣ лежанки, сидѣли на разныхъ почтовыхъ тюкахъ и на чемъ попало нѣсколько офицеровъ, въ шинеляхъ и въ фуражкахъ, или въ папахъ; кипѣлъ самоваръ, и виднѣлась бутылка съ ромомъ. Еще нѣсколько лежали на овсѣ. Полъ былъ каменный ¹⁾. Мы вынули изъ телеги вещи, бросили тутъ же въ кучу на полъ, и пошли являться по начальству.

Штабъ расположенъ въ одномъ изъ немногихъ однообразныхъ домиковъ, или такъ называемыхъ бараконъ, которые мы видѣли, подѣзжая, у бухты. Въ остальныхъ помѣщаются госпитали. Затѣмъ идетъ небольшая площадь; пройдя ее, къ бухтѣ, налѣво же, стоятъ два каменные сарая; тотчасъ за ними пристань, и домикъ въ одинъ этажъ, въ три окна, въ которомъ жилъ главнокомандующій ²⁾. Отъ этого домика на право въ гору — четвертый номеръ укрѣпленія ³⁾, и рядомъ палатка, называемая *Одесской*

¹⁾ Въ Севастопольскомъ Альбомѣ, изданномъ мною, рисунокъ 2-й.

²⁾ Тамъ же рисунокъ 4-й.

³⁾ Не надо смѣшивать этого укрѣпленія съ 4-мъ бастіономъ, находившимся на Южной сторонѣ.

Гостинницей ¹⁾). Еще правѣ, по горѣ, идутъ палатки торгующихъ разными съѣстными припасами. Тутъ же палатки одной роты Якутскаго полка; множество разныхъ экипажей — тарантасовъ, телегъ, жидовскихъ будъ, молдаванскихъ каруцъ, татарскихъ арбъ — наставлено тутъ же безъ всякаго порядка. Лошади, верблюды, волю кормятся подлѣ, и при нихъ безотлучно живутъ ихъ хозяева. Подъ возами лаютъ собаки. Вы видите вѣчное движеніе въ гору и съ горы къ бухтѣ, на пристани и около бараконъ. Солдаты, ямщики, Татары, Молдаваны и Русскіе снуютъ взадъ и впередъ, то пѣшіе, то верхами. Но больше всего солдатъ и офицеровъ. Поднявшись на гору, мимо четвертаго номера, вы увидите позади его большой оврагъ, по тамошнему *балку*, и новую бухту, на берегу которой разбросано нѣсколько домиковъ; потомъ гора и новая балка, и въ ней опять строенія и бухта. Вдали, на выдавшихся мысахъ, огромными массами выдвигаются два форта: Михайловскій и Константиновскій, которые обыкновенно носятъ имя батарей или казармъ ²⁾). Гораздо правѣ и ближе идетъ укрѣпленіе, называемое Сѣвернымъ — и вотъ *вся Сѣверная сторона*. Однако же это не городъ: городъ за главной бухтой, его видно отсюда, но до него полторы версты водой, хотя и кажется ближе. Вы видите множество зданій, раскинутыхъ по горѣ и поднимающихся неровными зубцами по ея окраинѣ. Выше всѣхъ стоитъ библіотека. Сокровища ума царствуютъ надъ городомъ, не боясь никакихъ выстрѣловъ. Лѣвѣе, почти прямо противъ Сѣверной пристани, идетъ еще гора, также покрытая строеніями. На третьей горѣ ихъ уже меньше, и наконецъ идутъ голыя горы, которыхъ возвышенныя точки заняты нашими и непріятель-

¹⁾ Въ Севастопольскомъ Альбомѣ рисунокъ 3-й.

²⁾ Тамъ же рисунокъ 32-й.